

Н.Н. Аблажей
Л.М. Салахова*

N.N. Ablazhey
L.M. Salakhova*

**Вынужденное соседство:
этнические депортанты в памяти
жителей Прибайкалья**

**Forced Neighbourhood: Ethnic
Deportees in the Memory of
Inhabitants of the Baikal Region**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-10

УДК 94 (47) +94(57)

Выходные данные для цитирования:

Аблажей Н.Н., Салахова Л.М. Вынужденное соседство: этнические депортанты в памяти жителей Прибайкалья // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 123–131. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-10.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-10

How to cite:

Ablazhey N.N., Salakhova L.M. Forced Neighbourhood: Ethnic Deportees in the Memory of Inhabitants of the Baikal Region // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 123–131. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-10.pdf>

Abstract. The paper is devoted to the study of the features of the historical memory of ethnic deportees in the territory of the Baikal region. Regional society of resettlers, represented by the descendants of exiles, convicts and voluntary settlers of the 19th – early 20th century, in the 1930 – 1950s became a host society for the deported. Despite the family memory of resettlement and the direct experience of interaction between “recent” and “new” settlers, the narratives of the inhabitants of the Baikal region illustrate different models of perception and a different level of tolerance towards the deported. The sources are oral recollections of the inhabitants of several settlements located within the basins of the Angara and Lena rivers, in which special settlements were stationed in the 1930–1950s. The interviews were collected during expeditions in the years 2005–2019 and deposited in the Archive of Oral History of Baikal Siberia, formed at the Department of History and Methodology of the Pedagogical Institute of Irkutsk State University. The focus is made on the analysis of the images of the deported and the dominant behavioural strategies that have developed among representatives of rural communities of different types. The analysis is based on the antithesis “in-group – out-group”. It is suggested that the level of tolerance of local communities towards the deported in the 1930s – early 1950s directly correlated with the type of rural settlement that had developed at the time of their arrival. Such types of settlements as labour settlements, old-timers settlements and loggers settlements are considered. It is argued that a reduced level of tolerance took place in old-timers settlements that have preserved the foundations of the communal world order.

Keywords: penal colonisation; deportation; the Baikal region; resettlement society; host society; adaptation; tolerance; image.

The article has been received by the editor on 30.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей исторической памяти об этнических депортантах на территории Прибайкалья. Региональный переселенческий социум, представленный потомками ссыльных, каторжан и добровольных переселенцев XIX –

* **Аблажей Наталья Николаевна**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Салахова Лариса Марсовна, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: mars62@rambler.ru

Ablazhey Natalia N., Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Salakhova Larisa M., Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: mars62@rambler.ru

начала XX в., в 1930–1950-е гг. стал принимающим социумом для депортированных. Несмотря на семейную память о переселении и непосредственный опыт взаимодействия «недавних» и «новых» переселенцев, нарративы жителей Прибайкалья иллюстрируют разные модели восприятия и разный уровень толерантности по отношению к депортированным. В качестве источников выступают устные воспоминания жителей нескольких поселений, расположенных в пределах бассейнов рек Ангары и Лены, в которых в 1930–1950-е гг. дислоцировались спецпоселки. Интервью были собраны в ходе экспедиций в 2005–2019 гг. и отложились в Архиве устной истории Байкальской Сибири, сформированном при кафедре истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. В центре внимания анализ образов депортированных и доминирующих поведенческих стратегий, сложившихся у представителей сельских сообществ разных типов. Анализ строится в ракурсе антитезы «свой – чужой». Делается предположение, что уровень толерантности местных сообществ по отношению к депортированным 1930 – начала 1950-х гг. напрямую коррелировал со сложившимся ко времени их прибытия типом сельского поселения. Рассматриваются такие типы поселений, как трудпоселки, старожильческие поселения и поселки лесозаготовителей. Утверждается, что пониженный уровень толерантности имел место в старожильческих поселениях, сохранивших основы общинного миропорядка.

Ключевые слова: штрафная колонизация; депортации; Прибайкалье; переселенческий социум; принимающий социум; адаптация; толерантность; образ.

Исторически сложилось, что Сибирь представляет собой переселенческое сообщество, сформировавшееся в значительной степени в результате вольнонаемной и штрафной колонизации. Ряд регионов Сибири, в т.ч. Прибайкалье, на протяжении столетия, с середины XIX до середины XX в. оставались традиционным местом ссылки. Население региона, сконцентрированное преимущественно по берегам рек Лена и Ангара и их притоков, складывалось в значительной степени благодаря нескольким волнам «штрафной» колонизации, сначала дореволюционной, а потом советской. Представленный приблизительно на четверть бывшими ссыльными и их потомками, региональный переселенческий социум в 1930–1940-е гг., время массовых советских депортаций, представлял собой уже принимающий социум. По итогам сталинских депортаций в Прибайкалье каждый десятый житель вновь оказался ссыльным¹. Казалось бы, для такого социума должен быть характерен повышенный уровень толерантности к переселенцам, тем более вынужденным. В действительности все оказалось далеко не так. Исходя из этого тезиса, была сформулирована гипотеза о том, что сталинские депортации оказали значительное влияние на уровень толерантности принимающего социума.

Исследователи, занимающиеся историей советской ссылки, к настоящему времени ввели в научный оборот значительный массив источников личного происхождения (большинство подобных материалов представлено воспоминаниями самих депортированных), выходя на уровень повседневности. Модели повседневного, будничного существования людей в условиях депортации и спецпоселения представляют значительный интерес для историков, однако исследование «экстремальной повседневности», через анализ проблем поведения индивида, группы, общности, социума в экстремальных условиях спецпоселения до сих пор не нашло своего адекватного отражения в профессиональной исторической литературе. В данном случае речь идет как о действиях и поведении репрессированных в чрезвычайных условиях, так и о состоянии и поведении людей, адаптировавшихся к изменившимся условиям своего существования².

В еще меньшей степени изучена реакция принимающего социума, равно и аспекты, связанные с взаимовлиянием двух сообществ, хотя специалисты, занимающиеся проблемой

¹ Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГЕ [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.gulagmemories.eu/ru>

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. (Серия «Архивы Кремля»).

советской ссылки, все чаще и чаще переносят акцент с анализа проблем хозяйственной адаптации депортированных на аспекты влияния переселенцев на принимающий социум. Наиболее продуктивно в этом направлении, на стыке устной истории и этнологии, работает Т.К. Щеглова. В трудах последнего времени ею предложена концепция «множественной идентичности депортированных», которая проходила не только по границе земледельческих или скотоводческих, степных или горных народов, но и по границе исхода депортантов – село или город, крестьянство или интеллигенция, запад или восток³. Подобный подход позволяет изучать в комплексе влияние депортантов на принимающий, преимущественно сельский социум.

Для понимания специфики адаптации в контексте ссылки обозначим некоторые моменты. Алгоритм изучения адаптации к условиям спецпоселения предложен С.А. Красильниковым и основан на демографическом подходе. При соотнесении данных рождаемости и смертности фиксируется феномен «креста», или «ножниц адаптации»⁴, когда происходит переход от стадии повышенной смертности и пониженной рождаемости к состоянию равновесия, а затем превышению показателей рождаемости над смертностью. Это явление фиксировала и «карательная» статистика: соотношение между рождаемостью и смертностью в крестьянских спецпоселках в 1932 г. составляло 1 к 5, в 1933 г. – 1 : 9, в 1934 г. – 1 : 3, в 1935 г. – 1 : 0,8, в 1936 г. – 1 : 0,7. На основании этих данных можно утверждать, что для высланных в 1931 и 1933 г. критическим был первый год, а срок адаптации к условиям спецпоселения занял пять – семь лет⁵. У сосланных в годы войны «наказанных народов», в частности калмыков, благоприятная демографическая динамика за период ссылки так и не обозначилась, другими словами, процесс адаптации не завершился. При анализе процесса адаптации нужно учитывать и тот факт, что для некоторых категорий высланных адаптационный период совпал с периодом ссылки.

Социологическим критерием для оценки финальной стадии миграции считается приживаемость: превращение мигранта в новосела, а новосела – в старожила; срок приживаемости оценивается приблизительно в десять лет. Рассмотрение процесса адаптации ссыльных традиционно осуществляется посредством анализа социальной и хозяйственной сторон жизни, при этом в изучении социальной адаптации акценты смещены к анализу режима спецпоселения, тогда как процесс хозяйственной адаптации сводится к изучению приспособления к изменившимся условиям существования в связи со сменой среды обитания и традиционного образа жизни. При анализе взаимовлияния ссыльных и местных крайне важно учитывать и то, что в силу массовости депортаций в малонаселенных территориях ссылки могло иметь место появление нового переселенческого сообщества из числа депортированных, не просто повторяющего контуры прежнего сообщества, но фактически, как в случае с вайнахами, в местах вселения могло произойти формирование «параллельного общества», полный контроль за которым оказался невозможен. В таком случае для ссыльных, безусловно, снижались издержки и риски интеграции, однако для местного населения обострялась проблема совместного существования с переселенцами. Неоспорим тезис о том, что этническая ссылка способствовала появлению поселенческих анклавов и формированию диаспор.

Изучение эмпирического опыта выводит на проблему взаимной адаптации: через анализ образов в ракурсе антитезы «свой – чужой» и результатов межкультурного и межэтнического взаимодействия. Сама по себе антитеза «свой – чужой» достаточно широка и многогранна; она используется как основа для исследования межкультурной коммуникации, в силу чего весьма продуктивна для изучения реакции принимающего общества на

³ Щеглова Т.К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая. 2019. № 5. С. 198.

⁴ Термин «ножницы адаптации» введен С.А. Красильниковым.

⁵ Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг.: сб. науч. ст. / отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2010. С. 180–181.

мигрантов, дискурса вокруг миграции в целом. Традиционно она представлена в виде бинарной оппозиции, хотя очевидно, что границы категорий могут быть размыты, а модель взаимоотношений меняться во времени. При том что четких различий между дефинициями «другой» и «чужой» нет, тем не менее они отличаются: «чужой» представляет собой крайнюю форму более широкого понятия «другой». Отношение к «чужому» жестче, он не только не может стать таким же, как «мы», но даже потенциально приблизиться к «нам». Исходя из этого, представляется более оправданным использование трехфазной схемы «чужой – другой – свой» для анализа взаимодействий между принимающим населением и этническими депортантами.

Тема насильственных депортаций стала одним из лейтмотивов в биографических нарративах сибиряков. Об этом красноречиво свидетельствуют устные рассказы, собранные в ходе комплексных экспедиций 2005–2019 гг. в поселениях, расположенных в пределах бассейнов рек Ангары и Лены, и отложившиеся в Архиве устной истории Байкальской Сибири, который сформирован при кафедре истории и методики Педагогического института Иркутского госуниверситета⁶. Коллекция воспоминаний людей, высланных из западных районов СССР и оказавшихся в этом регионе, представлена также на сайте виртуального музея «Европейская память о ГУЛАГе»⁷. Среди массива свидетельств из коллекции Архива устной истории Байкальской Сибири нами были отобраны двенадцать биографических интервью с жителями Прибайкалья, непосредственно контактировавших с депортированными⁸. Устная история как метод в работе с нарративами «принимающей стороны» позволяет анализировать механизмы адаптации, особенности заимствования жизненных практик, уровень толерантности. Воспоминания показывают трансформацию региональных сообществ, в которых интенсивно шли процессы перехода из «прибывающей» в «принимающую» сторону.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на принятие местным сообществом депортантов, выступил сложившийся ко времени их прибытия тип поселенческого социума. В приречных районах Прибайкалья ссыльные в 1930–1940-е гг. оказались расселены в нескольких видах сельских поселений: 1) трудпоселках, возникших в ходе первой волны крестьянских депортаций начала 1930-х гг.; 2) старожильческих поселениях XVII в.; 3) поселках лесозаготовителей, основанных в конце войны и в первые послевоенные годы.

Депортации начала 1930-х гг. привели к появлению в отдаленных северных регионах страны трудпоселков, которые создавались специально для размещения высланных крестьян. Идея строительства подобных поселений для бывших «кулаков» была изложена уже в инструкции ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по проведению раскулачивания от 4

⁶ Занданова Л.В., Салахова Л.М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 9. С. 338–341.

⁷ Работа по сбору интервью в 2009–2012 гг. проводилась Л.М. Салаховой совместно с профессором А. Блюмом и Э. Кустовой (Франция).

⁸ Архив устной истории Байкальской Сибири (кафедра истории и методики ПИ ИГУ). Ф. 1 (Нижняя Ангара). Оп. 1. Воспоминания Пааль Л.Ф., 1941 г.р., Красноярский край, д. Бидея, аудиозапись 06.07.2006; Оп. 5. Воспоминания Кокориной Марии Степановны, 1930 г.р., Красноярский край, пос. Болтурино, аудиозапись 14.07.2009; Воспоминания Шешинной Надежды Александровны, 1951 г.р., Красноярский край, пос. Болтурино, аудиозапись 15.07.2009; Там же. Ф. 2 (Средняя Ангара). Оп. 1. Воспоминания Романовой Анны Ильиничны, 1928 г.р., Братский р-н, пос. Калтук, аудиозапись 28.08.2009; Там же. Воспоминания Беломестных Ивана Максимовича, 1927 г.р., Братский р-н, пос. Калтук, аудиозапись 28.08.2009; Там же. Воспоминания Беломестных Александры Григорьевны, 1928 г.р., Братский р-н, пос. Калтук, аудиозапись 28.08.2009; Ф. 7 (Верхняя Лена). Оп. 1. Серебренников Виталий Иннокентьевич, 1943 г.р., Жигаловский р-н, с. Знаменка, аудиозапись 27.06.2017; Там же. Ф. 10 (Усольский район, Иркутская обл.). Оп. 1. Воспоминания Александровой Татьяны Дмитриевны, 1936 г.р., пос. Тальяны, аудиозапись 21.02.2016; Воспоминания Кузнецовой Анны Михайловны, 1936 г.р., пос. Тальяны, аудиозапись 20.02.2016; Воспоминания Зайцевой Валентины Ефимовны, 1936 г.р., пос. Тальяны, аудиозапись 28.02.2016; Там же. Ф. 11 (г. Ангарск, Иркутская обл.). Оп. 1. Воспоминания Кузнецова Геннадия Федоровича, 1942 г.р., г. Ангарск, аудиозапись 27.02.2016; Воспоминания Кузнецовой Нины Гавриловны, 1919 г.р., г. Ангарск, аудиозапись 27.02.2016.

февраля 1930 г. и дополнена в решениях правительства, принятых в 1931 и 1933 гг. Задача практического воплощения идеи создания сети стационарных режимных поселений в глухих северных территориях первоначально легла на региональные органы власти, но уже с весны 1931 г. вопросами расселения занимались органы ОГПУ. Группа спецпоселков, организованных в пределах района под контролем одноименной комендатуры, получала статус особой административной единицы (или зоны). Первоначально концентрация перемещенного населения происходила в крупных транспортных и пересылочных пунктах вдоль железной дороги и водных коридоров с последующим расселением; приоритет отдавался крупным спецпоселкам-«накопителям», разукрупнение которых произошло только спустя несколько лет. Постепенно в структуре спецпоселений стали доминировать поселки численностью от пятисот до тысячи человек. При создании подобных трудпоселков государство делало ставку на создание поселений, ориентированных на аграрное производство и заготовку леса. Первоначально здесь создавались неуставные сельхозартели, ориентированные в значительной степени на решение проблемы самообеспечения, впоследствии они были трансформированы в колхозы.

Именно по этому сценарию шло формирование трудпоселков Квиток (в наст. время территориально относящийся к Тайшетскому р-ну Иркутской области) и Косой Бык (территориально относившийся к Кежемскому р-ну Красноярского края⁹). Поселок Квиток расположился на берегу р. Топорок. До прибытия ссыльных крестьян из приангарских деревень здесь проживало всего несколько семей (место известно с 1909 г.). Массовое поступление в регион ссыльных привело к появлению вокруг поселка сразу нескольких спецпоселений, в т.ч. лагпункта Квиток Тайшетского ИТЛ. Поселок Косой Бык возник в 1931 г. на высоком необжитом берегу Ангары. Его первыми жителями стали крестьяне, высланные из приангарских деревень (Верхняя Кежма, Соколово, Паново и др.) и из районов, которые расположены вокруг Канска (Уяра, Иланска и др.). На начало 1941 г. численность ссыльных «кулаков» в пос. Квиток составляла 949, в пос. Косой Бык – 866 человек¹⁰. Перед войной в оба поселения прибыли небольшие группы поляков и литовцев, высланных с территорий, которые отошли к СССР, а в 1941 г. – немцы с Поволжья.

Истории ссыльных крестьян из этих двух сел, расположенных за несколько сотен километров друг от друга, удивительно схожи. Высланные говорят о раскулачивании, за которым последовала ссылка: *«Жили мои родители единолично... А потом пришла пора, и стали их раскулачивать. Коллективизация... Все стали передавать в колхозы. А семьи эти, состоятельные, стали отправлять в Сибирь...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р. о жизни в пос. Квиток). Жизнь в тайге стала настоящим испытанием: *«Привезли нас в Тайшетский район... выгрузили нас прямо в тайгу... Это был как раз 1931 год. Потом нас постепенно переселили в Квиток...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.). Лишения и потери первых лет: *«Смертность была большая у них... В тех годах умирали они...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кокорина М.С., 1930 г.р., о жизни в пос. Косой Бык). В воспоминаниях о режиме ссылки фиксировали: *«...мы все были под комендатурой... У всех паспортов не было»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.), *«нас тут проверяли каждый день: живые мы – не живые? не сбежали?»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кокорина М.С., 1930 г.р.); *«весь поселок был из этого народа. Все ссыльные...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.). Главной доминантой в нарративах людей из поселений такого типа выступает сопереживание, потому что *«мы испытали то же, что и они»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кокорина М.С., 1930 г.р.). *«Откуда-то же их привезли, этих людей... Тожже несчастных. Нас тоже привезли. И их тоже привезли, этих людей несчастных...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.). Несмотря на «инакость» и пропаганду вновь прибывшие достаточно быстро становились «своими»: *«Они (немцы, литовцы) были добрые, хорошие люди. Понимаете, дружба была. Не было такого... чтобы какая-то ненависть»* (АУИ БС ПИ

⁹ В связи со строительством Богучанской ГЭС пос. Косой Бык был закрыт и ушел под воду.

¹⁰ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 9–10.

ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.). Важнейшим условием интеграции были устойчивые практики взаимопомощи и поддержки: *«Помогали! Мы им. Они нам. В каком плане. У них не хватало того – другого. А у нас уже все это было: и картошка, и маркошка, и яйца, молоко было... Мы все ходили – все меняли. Литовцы нам свои вещи, а мы им продуктами»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Романова А.И., 1928 г.р.). Содержание нарратива этнических выселенцев из поселений этого типа не содержит антагонизма по отношению к местным и по большей части посвящено описанию практик преодоления трудностей, связанных с новыми условиями жизни, языковых и этнокультурных барьеров, усвоению правил этой новой жизни.

Если в ходе «кулацкой» ссылки логика расселения депортированных подразумевала под собой стремление создать изолированные анклав, то уже со второй половины 1930-х гг. в зону спецссылки попали традиционные аграрные территории и районы интенсивного промышленного освоения. Эта тенденция продолжилась в 1940-е гг. В Прибайкалье первые ссыльные из западных территорий страны появились накануне и после войны. В годы войны в регионе окажутся немцы из Поволжья. Частично эти этнические группы были размещены в старожильческих поселениях, возникших в XVII–XVIII вв. в процессе колонизации региона.

Опыт общения с ссыльными имелся лишь в некоторых старожильческих поселениях Приангарья. Так, с. Знаменка (в наст. время – Жигаловский р-н, Иркутская обл., расположенное на левом притоке Лены – р. Илге и основанное в 1664 г., в начале XX в. было местом ссылки социал-демократов. Поселение основали выходцы из Северного и Центрального Поморья. Ссыльные появились вновь в с. Знаменка только в 1949 г., ими стали 60 литовских семей. В с. Калтук (в наст. время – Братский р-н, Иркутская обл.), основанном в 1723 г. и в с. Мегет (в наст. время – Ангарский городской округ, Иркутская обл.), возникшем в 1736 г. (известно тем, что через него проходил Старомосковский тракт), первые депортированные появились накануне Великой Отечественной войны. Массовые депортации периода войны привели к тому, что ссылка распространилась и на самые отдаленные старожильческие поселения Прибайкалья. Так, высланные в 1941 г. из Поволжья немцы оказались в д. Бидея (в наст. время – Кежемский р-н, Красноярский кр.), поселении, возникшем в первой четверти XVII в. и расположенном на притоке р. Ангары р. Муре. Его коренными жителями были потомки русских и тунгусов.

В старожильческих поселениях правила жизни переселенцев и их потомков строились на основе общинных порядков. Старожилы довольно осторожно относились к появлению новых людей. Для сельского сообщества в таких поселениях более явно присутствует дихотомия «свой – чужой». В памяти жителей прибайкальских старожильческих поселений «инакость» определялась зачастую интуитивно – *«у них по лицу их сразу видно, что он не мокчон, что он не местный»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Шешина Н.А., 1951 г.р., Балтурино, о литовцах). Местные обычно не вторгались в мир ссыльных, а те, в свою очередь, взаимодействовали преимущественно в рамках хозяйственной деятельности. Фактически сельский социум оказался представлен двумя сообществами. В таких поселениях дистанцию задавала и специфика размещения. В некоторых случаях высланные оказывались компактно расселены на окраинах поселений, впоследствии такая территория формировалась как этническая зона в русских селах. Подобные территориальные анклав в селах *«деревенские, обходили их стороной, хотя все знали, что они там живут»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Пааль Л.Ф., 1941 г.р., о немцах). Хотя местные понимали, что «за чертой» функционирует другой мир, в котором *«они там, свои, собираются у барачков... Они по-своему все делали. А у нас по-другому. Они поют по-своему. Гармошек у них не было. У них свои инструменты...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Беломестных А.Г., 1928 г.р., о литовцах). Пограничной линией между местными и пришлыми стала «западность», которая проявлялась в менталитете, культуре и повседневных практиках. Однако жесткой антитезы европейской и русской культур не было, хотя она безусловно присутствовала: *«Построечки ихние, сараи, дворы, дома, крыши у них – вот так вот высоко, не как сибирские дома»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Шешина Н.А., 1951 г.р., Балтурино, о литовцах); *«...как говорится, Европа: ничего не белили. Вот зайдёт, например,*

русский к русскому и скажет: «Ну, ты чего не белишь-то, прямо как у литовцев» (АУИ БС ПИ ИГУ, Серебренников В.И., 1943 г.р.). Зачастую отнесение к «западности» проявлялось в привозе депортантами предметов, маркирующих городскую культуру.

Несмотря на аполитичность местного крестьянства, устные свидетельства показывают, что отстраненности от политики не было, потому что она проявлялась в интерпретациях сельчан: *«Говорили, что они бандиты что ли... Нет-нет... что они там наших предавали и их сюда отправили* (АУИ БС ПИ ИГУ, Беломестных И.М., 1928 г.р., о литовцах); *«...ну-у, относились к литовцам туда-сюда. Ну, в конце концов, на них грешат, что они диверсию и тут делали. МТС сожгли, на них грешат же... Никто не знает, но все на литовцев говорят. И еще школа была – сожгли. Около поворота на Жигалово стояла. Ну, черт его знает, так никого и не словили, и не наказали»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Серебренников В.И., 1943 г.р.).

На положительное восприятие старожилами депортантов повлияло их отношение к труду: *«Они были очень работающие.... Ну, они народ мастеровой... Нам надо бы поучиться у них»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Беломестных И.М., 1927 г.р., о литовцах). Ключевую роль в построении отношений играл совместный труд, который нивелировал отрицательные и негативные коннотации. В процессе работы возникали условия для общения, а по мере узнавания людей оценивались их трудолюбие, профессиональные навыки и нравственные качества.

После окончания войны в эпицентре депортаций вновь оказалось население западных территорий СССР. В Прибайкалье прибыли в основном контингенты из Прибалтики. Приоритетом при их расселении и трудоустройстве стала сфера лесной промышленности, которая переживала в эти годы бурное развитие. Именно поэтому значительная часть ссыльных оказалась размещена в поселках лесозаготовителей. Типичным поселением этого типа стали Тальяны (в наст. время – Усольский р-н, Иркутская обл.), поселок, расположенный на р. Тойсук в предгорьях Восточного Саяна. Кордон лесобъездчиков существовал здесь уже на рубеже XIX–XX вв. Вновь валить лес в среднем течении Тойсука стали с конца 1920-х гг. До приезда литовцев на лесоучастке Широкопадского мехлесопункта работало чуть больше трехсот работников из числа вольнонаемных. В 1948 г. на этот объект направили 1074 чел., высланных из Литвы. Это были 300 семей. В 1949 г. мехлесопункт приобрел статус Широкопадского леспромхоза, а Тальяны стали поселком. В поселениях этого типа сложился особый полусельский-полугородской образ жизни.

Воспоминания о том времени сосредоточены на описании практик «обживания» пространства, условий работы и быта. Местные жители обращают внимание на трудности, с которыми столкнулись пораженные в правах люди, и они сами. Обстоятельства жизни обусловят плотное взаимодействие: на работе, в решении социально-бытовых вопросов, в обмене жизненным опытом и т.д. В нарративах также присутствует дихотомия «свой – чужой», но доминантой ее является тема совместного освоения общего пространства. *«В Тальянах ни одна дверь не запиралась, замков не было вообще! Никто не запирался, и на ночь не запирались! Хоть литовцев много было, и, казалось бы, это совершенно другой народ... И это ссыльные, и вражья сила «какая-то», тем не менее никто... Кстати, литовцев, как я понимаю, и тогда понимал, приняли приветливо, хорошо... В начале насто-роженно, потому что НКВД проводил работу соответствующую»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кузнецов Г.Ф., 1942 г.р.). Для высланных единственным способом существования была работа в лесу, они оказались как крепостные прикреплены к леспромхозу. Отсутствие квалификации и опыта работы на лесоповале приводило к многочисленным несчастным случаям: *«много литовцев погибало в лесу, особенно парней молодых»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кузнецова А.М., 1936 г.р.); *«..гибнут и гибнут. Их похоронено тут больше русских...»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Зайцева В.Е., 1936 г.р.). О том, что приезжие голодали, говорят многочисленные свидетельства местных: *«некоторые ночами ходили на поля – найти хоть что-то съестное»* (АУИ БС ПИ ИГУ, Кузнецова А.М., 1936 г.р.); *«...однажды ночью увидела, как кто-то копошится за оградой нашей. А это были литовцы. Они ночью землю под картошку копали при кострах. Потом и садили ночью. Днем-то все работали. А целину старики да дети не разработают. До литовцев в Тальянах огородов не делали»* (АУИ БС ПИ ИГУ,

Зайцева В.Е., 1936 г.р.). Воспоминания местных жителей звучат в унисон со строками официального отчета: «Рабочие Тальянского участка, вновь прибывшие литовцы, занимаются воровством, потому что рабочие являются голодными», «нет возможности обеспечить пункт продовольствием», «руководитель пункта плохо заботится о сохранении картофеля – он сгнил, не был своевременно доставлен на пункт», «выплата заработной платы запущена, выплачивается очень плохо», «продуктами снабжение очень плохое»¹¹. Условия жизни и местного населения в послевоенное время были не лучшими. Это уравнивало людей волей судеб, сведенных вместе. Однако фиксируются факты того, что «делились..., хотя нищета была» (АУИ БС ПИ ИГУ, Кузнецова А.М., 1936 г.р.) и то, что «некоторые местные жители пользовались положением» (АУИ БС ПИ ИГУ, Кузнецова Н.Г., 1919 г.р.), скупая за бесценок имущество ссыльных. Но то, что ссыльных было существенно больше, чем вольных, постоянно сказывалось: «...литовцы начнут дружить с девками, русские соберутся, подопьют и давай их бить. Набьют. Их комендатура собирает, раз... и увозят, хотя русские виноваты... Как комендатура распустилась, они уже стали русских поджимать..., хотя вместе работали. Они потом, как не стали отмечаться, почувствовали свободу... Все они потом стали жестокими, вроде мы виноваты, что их сюда сослали. Но были и хорошие, добрые люди» (АУИ БС ПИ ИГУ, Александрова Т.Д., 1936 г.р.). Большая партия литовцев уехала из Тальян уже в 1958 г., но часть все-таки осталась, считая, что здесь жизнь уже налажена, а «там их уже никто не ждет».

Отношение к депортированным 1930 – начала 1950-х гг. складывалось на стыке симпатии и антипатии. Формирование образов прибывшей и принимающей стороны лишь отчасти соотносилось с устойчивыми представлениями о конкретном этносе и территории. Они складывались непосредственно на основе широкой социальной практики. Анализ нарративов в ракурсе антитезы «свой – чужой» показывает, что уровень толерантности местных сообществ по отношению к депортированным напрямую коррелировал со сложившимся ко времени их прибытия типом сельского поселения. Смещение акцентов в изучении сталинских депортаций на процессы, происходившие в сибирских поселениях, позволяет обратиться к рассмотрению того, что привнесла и на какие стороны жизни местного сообщества повлияла эта непростая страница советской истории. Нужно помнить и о том, что непреодоленная травма ведет к противопоставлению, что разъединяет уже современный социум.

Литература

Занданова Л.В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930-х – 1950-х гг. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2006. Вып. 3 (15). С. 130–141.

Занданова Л.В., Салахова Л.М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 9. С. 338–341.

Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.

Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг.: [сб. науч. ст.] / отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2010. 448 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., РОССПЭН, 2005. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. 912 с. (Серия «Архивы Кремля»).

Щеглова Т.К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая. 2019. № 5. С. 197–231. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231

¹¹ Архивный отдел администрации Усольского районного муниципального образования. Ф. 22. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.

References

Krasilnikov, S., Shadt, A. (Eds.). (2010). Marginaly v sovetskom sotsiyme, 1930kh – 1950kh gg. [Marginal people in Soviet society, 1930s – mid-1950s]. In *Sbornik nauchnykh statey*. Novosibirsk. 448 p.

Pokrovskiy, N.N. (Ed.). (2005). Politbyuro i krestuanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: V 2kh kn. Moscow. 912 p. Kn 1. [Politburo and the peasantry: deportation, special settlement. 1930–1940]. (*Seriya “Arkhivy Kremlya”*).

Shcheglova, T.A. (2019). Antropologiya ekstremalnosti: sotsialnaya i kylyrno-bytovaya adaptatsiya etnicheskikh deportantov (1939–1949 gody) i prinyimayushehego selskogo obshchestva na yuge Zapadnoyi Sibiri v kontekste prinuditelnykh pereseleniiy. [Anthropology of extremality: social and cultural everyday adaptation of the ethnic deportees (the years 1939–1949) and host rural community in the South of Western Siberia in the context of involuntary deportations]. In *Mir bolshogo Altaya*. Vol. 5, pp. 197–231. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231

Zandanova, L.V. (2006). Sibirskaya ssylka stalinskoy epokhi: spetspereselenie 1930-kh – 1950-kh gg. [Siberian exile during the Stalin era: special relocation of the 1930s – 1950s]. In *Sibirskoy ssylka: sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk, Ottisk, Vol. 3 (15), pp. 130–141.

Zandanova, L.V., Salakhova, L.M. (2015). Arkhiv ystnoy istorii Baykalskoy Sibiri: iz opyta raboty [Archive of the oral history of Baikal Siberia: from experience]. In *Etnografiya Altaya i sopredelnykh territoriy: materialy Mezhdynarodnoy nauchnoy konferentsii, posvayshehennoy 25-letiy tsentra ystnoy istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altaiskogo gosydarstvennogo pedagogicheskogo yuniversiteta*, vol. 9, pp. 56–61.

Zemskov, V.N. (1992). “Kylatskaya ssylka” nakanune i v gody Vlikiyu Otechestvennoy voiny. [“The exile of kulaks” before and during the Great Patriotic War]. In *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. No. 2, pp. 3–26.

Статья поступила в редакцию 30.07.2020 г.